

Знак судьбы

Одно из интервью с Еленой Майоровой было озаглавлено «Золушка с Сахалина». В названии есть большая доля истины. Безвестной сахалинской девочке, так не вписывающейся в привычный имидж «звезды» театра и кино, сказочно повезло в жизни. Судите сами: ведущая актриса одного из лучших театров страны, популярная киноактриса, жена известного художника. И все же принцессой Лена себя не ощутила. Да и критики нет-нет, да и уколют ее «сахалинско-пэтэушным» прошлым — вульгарностью и недоцивилизованностью. Не раз после очередного «разноса» ей приходили мысли оставить профессию, уйти, спрятаться. Да только уйти уже некуда. И тогда она в который раз говорит себе и всем: «Уж какая есть»...

— Лена, а как все начиналось? Как у тысяч девочек — с мысли: хочу сниматься в кино?

— У меня с детства было стремление вырваться из плена обыденности, из быта. Я выросла в обычной рабочей семье, где жизнь шла по заведенному кругу: работа — дом, вечером — беготня по магазинам, готовка. А для меня это было жизнью словно бы в клетке, я просто задыхалась. И все ждала, когда же наконец закончу школу и уеду в Москву, стану актрисой. Наверное, я и в артистки тогда стремилась не столько по зову какого-то своего предназначения, а скорее даже рационально, как к возможности вырваться из клетки. Быть артисткой для меня значило постоянно менять разные профессии, судьбы, жизни, то есть существовать весело и интересно. Так оно сейчас, в общем-то, и есть. Правда, от детских мечтаний почти ничего не осталось. Порой бывает до такой степени «весело», что даже и скучно. Все как у всех — есть будни, есть и праздники. Но то, что есть вне театра, вне кино, мне просто неинтересно.

— Этот путь к мечте для никому не известной юной провинциалки, наверное, не был легким?

— Еще бы. С первого раза я никуда не поступила — ни в Школу-студию МХАТа, ни в Щепкинское училище. Я там никому не нравилась: и внешность у меня не та, и голос, и говор. Слетала с первого тура. И лишь через год Олег Павлович Табаков взял к себе на курс.

— А в этом промежутке и было ПТУ?

— Это ПТУ мне все время вспоминают, как будто я по своей воле туда пошла. Между прочим, я в школе отличницей была, секретарем комсомольской организации. Мой муж меня ругает, что я всем про ПТУ рассказываю. Но что же делать, если есть такой факт биографии. Куда было деваться: мне 17 лет, ни жилья, ни прописки, на работу не брали. Я одно понимала: в Москве я лучше подготовлюсь, буду ходить в библиотеки, в театры. Позвонила в Бюро по трудоустройству, там сказали: есть ПТУ. Прихожу туда, на меня посмотрели и говорят: «Ты представляешь, куда идешь? Артисткой, наверное, мечтала быть? Ну-ну, давай — трубы изолируй, в робе, наморднике-респираторе. Никто твоих прелестных глазок не увидит». Меня тогда это не испугало, думала, наоборот, пригодится в будущих ролях. Ну уж пригодилось до такой степени, что я из ампулы пэтэушницы в кино так и не выхожу.

— Но Табаков все-таки вас разглядел?

— Да, в ГИТИСе меня как-то оценили, и поступила я с большим успехом. Странно, да?

— Почему странно? Наверное, опять судьба.

— Константин Райкин, он был педагогом на нашем курсе, меня спросил: «Что с голосом-то у тебя?» Я сначала обманула, сказала, что простудилась на стройке. А второй тур — через месяц. И опять спрашивает о голосе: «Навралась?» Я и говорю: «Да». Что поделал, с детства у меня такой голос, с пяти лет. Повели связки проверять, а там: «Что вы, с таким голосом нельзя!» В общем, много было мучений, но приняли все же.

— И вот ГИТИС позади. Что же потом?

— Вместе с Табаковым наш курс мечтал стать самостоятельным театром. Но нам заявили, что второй Таганки не будет. И все же, нужно отдать должное Олегу Павловичу, мы все остались в Москве. Взяли свободные дипломы. Меня временно зачислили в Театр миниатюр, где я репетировала в спектакле «Чехонте в Эрмитаже», правда, не получая зарплаты, — нельзя было оформить без прописки. Обещание все же дали.

— И как же вы жили?

— Я в то время в кино начала сниматься, и мама немного помогала. А потом и из общежития попросили уехать, снимала комнаты...

— Лена, а как все-таки в вашей жизни возник МХАТ?

— Возник замечательно. Надо сказать, что Михаил Левитин и Кама Гинкас — друзья. Гинкас как раз затевал во МХАТе спектакль «Вагончик» по пьесе Н. Павловой и искал девочек-растреп, лохудр, по его выражению. Левитин ему и сказал: «Есть у меня одна такая лохудра, без дела сидит». И однажды поздно вечером звонок: «Приезжайте срочно, глаза красить не надо, какая есть — такая есть». Я приехала, мы поговорили, и Гинкас предложил мне роль Цыпкиной. И я начала репетировать. Правда, никак к этому не относилась.

— Разве МХАТ не был мечтой для начинающей, да к тому же бездомной артистки?

— Честно говоря, я никогда не мечтала работать во МХАТе. Мы же как раз затевали свой театр в противовес и МХАТу, и Малому, их традициям. Хотели искать «свой путь в искусстве», а там, нам казалось, — мертвечина, рутина театральная. Ну, я поэтому весьма безответственно репетировала. А в это время уже перешла в «Современник». Так случилось, но у «Вагончика» оказалась на удивление счастливая судьба. Меня все узнали, стали восхищаться и так далее. И в результате предложили перейти во МХАТ. Но я не могла бросить «Современник», где тоже все складывалось удачно: сыграла Наташу в «Трех сестрах». Ленку в «НЛО» В. Малагина. В общем, отказалась. Да к тому же МХАТа я боялась — там такие великие артисты, среди которых я просто потерялась бы. Отказалась раз два. Ефремов настаивал. Потом мне позвонил М. Розовский, который тогда собирался ставить там «Амадея» П. Шеффера и предложил роль Констанции. Дошло до того, что А. Васильев, посмотрев «Вагончик», пригласил меня на роль Корделии в «Короле Лире», который хотел сделать тоже во МХАТе с А. Поповым. Честно говоря, мне и самой уже хотелось вырваться из плена «цыпкиных», освободиться от этого ярлыка. Ну и вот, на пятый раз, я все же согласилась. Это было в январе 1983 года.

— Значит совсем скоро у вас будет маленький юбилей — 10 лет во МХАТе. Дай Бог каждой актрисе такую творческую судьбу, какая вышла вам здесь. Это тоже счастливая случайность или закономерный результат поиска «своего» театра и «своего» режиссера, каким стал для вас О. Н. Ефремов?

— Наверное, мне повезло. Я попала во МХАТ, когда там было мало молодежи. Потом пришел курс Олега Николаевича Ефремова выпуска 1982 года: Дима Брусникин, Рома Козак, Полина Медведева, позже Яна Лисовская. У нас сложилась своя компания, мы много работали самостоятельно, подчас «в корзину», не замечая этого. Но Ефремов, я думаю, все-таки не зря перетаскивал меня сюда так долго. И через пару лет дал мне роль Нины Заречной в «Чайке», потом Зинулю в «Чокнутый», а потом пришли другие чеховские спектакли. И как-то все налажилось. Поначалу я даже не предполагала, что у меня сложится здесь такая судьба. Я привязалась к этому театру, здесь мой дом, моя семья, люди, которых я люблю и которые меня любят. И Олег Николаевич для меня огромный авторитет.

— Значит, ваше отношение к МХАТу как к театру «с мертвечиной и рутинной» в корне переменялось?

— Конечно! Я безумно люблю многие наши спектакли, чеховские особенно, даже в которых не играю. Это спектакли без ухищрений, без прикрас, сделанные честно. Мне нравится, что все это очень просто, без каких-то головоломок, шарад, что это человечно.

— Лена, а как в вашей жизни возник, пожалуй, самый скандальный спектакль недавнего прошлого — «Бесноватая» В. Фокина?

— О, это давняя история. Еще на первом курсе ГИТИСа для самостоятельного показа я взяла сцену из «Идиота», именно ту — со сжиганием денег.

А Валерий Фокин был тогда нашим педагогом. И видимо, ему что-то запомнилось. Через много лет, когда он решил делать спектакль по Достоевскому, он и пригласил меня. Сначала я опять же отказалась, боялась ответственности, в общем, не хотела брать грех на душу. Но какая же актриса не мечтает сыграть Настасью Филипповну? И я решилась. Но в день премьеры я была так больна, температуре 39, голоса никакого. А откладывать было нельзя. В общем, ужас получился. Наверное, все критики видели этот премьерный спектакль и потому так сильно ругали и его, и меня.

— А однозначно отрицательное мнение критики не влияет на работу?

— Знаете, мнения тоже разные были. Многие не приняли. А вот Зиновий Гердт сказал, что это громко, это высоко. И Льву Аннинскому тоже очень понравилось. Ну, быть может, мы не совсем «попали»... Я вот читаю: этого нет в спектакле, того-сего, один эпатаж, Настасья Филипповна просто беснуется, она в истерике. Но надо же понять: почему она так себя ведет, что с ней творится? Мы же именно это искали, мы специально брали такие острые вещи. Я лично счастлива от этих мук.

— Лена, давайте немного о кино поговорим.

— А, в кино ерунда все. Я уже два года не снимаюсь, все казалось, надо подождать какой-то серьезной роли. Мой последний фильм «Затерянный в Сибири» А. Митты практически никто не видел. Да и вообще, фильмы не выходят, а ты столько сил, энергии тратишь, отрываешь время от театра. А в результате это никому не нужно.

— Ну, а дорогие вам роли все же есть?

— Есть. Например, в фильме «Двое и одна», где я с Георгием Бурковым и Юрием Астафьевым, покойными, работала. Мне не стыдно за мою роль в «Скором поезде», за «Дядюшкин сон», за последний фильм. Вот, пожалуй, и все.

Сейчас много сценариев предлагают, но все в том же качестве: разбитой девочки, проститутки. Правда, мой максимализм поостыл немного, жизнь-то переменчива. И сейчас буду сниматься, просто как-то выжить надо, и в смысле денег тоже.

— Лена, вы счастливы?

— Нет, конечно. Я не могу сказать, что я счастлива. Счастье... Что это? На определенном этапе, когда чего-то достигнешь, можешь ненадолго почувствовать себя счастливой. А потом другая полоса наступает. Это многим со стороны кажется счастьем, что я работаю в театре, снимаюсь в кино. А все сложнее.

— А если говорить просто о личном счастье?

— У меня житейское счастье тоже с искусством связано. Когда я сыграю хорошо спектакль, тогда у меня и дома все в порядке, я веселая, настроение отличное. А неудачи, естественно, отражаются и на личной жизни. Хочется ведь, чтобы все, что ты делаешь, было нужно кому-то, нравилось, приносило успех. А когда этого нет, то все думаю: а может, я не тем в жизни занимаюсь?

А вообще, как Пушкин сказал: «На свете счастья нет, а есть покой и воля». Вот, и воли хочется, и человек я беспокойный...

Беседу вела
Ирина АЛПАТОВА.